

КНИГИ И ЛЮДИ

«Русская мысль»

Трудно представить себе советского интеллектуала «оттепельных» 50-60-х годов, не читавшего и не цитировавшего при каждом подходящем случае романов Эриха-Марии Ремарка. Герои немецкого писателя Ремарка и американского Хемингуэя были тогда своего рода эталонами не только поведенческими, но, возможно, главным образом стилистическими. Если советский стиль отличался многословной патетикой, то герои Ремарка и Хемингуэя очаровывали советского читателя, высвобождавшегося в 60-е годы от лжи и безвкусицы языка тоталитаризма, искренностью чувств и мыслей и при этом — безукоризненным следованием общечеловеческим этическим нормам поведения. Так, совершив поистине высокий подвиг для спасения, скажем, возлюбленной своего друга, герой Ремарка просит лишь рюмочку кальвадоса. Само это слово — «кальвадос» — несло в себе для залертого за «железным занавесом» русского читателя какое-то очарование дальних стран.

Герои Ремарка, тем не менее, не всегда лаконичны: их остроумие, блестящая способность словесного фехтования восхищали советского читателя. Кто из нас, шестидесятников, не искал в окружающих живой мишени, которую можно было назвать «бродачим кладбищем бифштексов»? Увы, мы не могли, конечно, рассчитывать, что обруганный нами субъект оценит наше остроумие, как толстяк-немец в «Трех товарищах» Ремарка: «Ого, отлично, такого я еще не знал — включаю в свой репертуар».

Шестидесятые годы были в советском фрондирующем искусстве эпохой расцвета аллюзий, явных или скрытых намеков на то, что нельзя было выразить открытым текстом. Фильм М.Ромма «Обыкновенный фашизм» смотрелся как обличение не только немецкого нацизма, но и сталинской идеологической машины. Такие аллюзии советский читатель выискивал и находил в романах Ремарка, хотя сам автор (во всяком случае сознательно) этим приемом не пользовался. Вот что, например, говорит солдат Иммерман в его романе «Время жить и время умирать»: «У нас люди не доверяют друг другу. Почти ни с кем нельзя чувствовать себя в безопасности... Десять лет нас изолировали, воспитывали в нас отвратительное, вопиюще бесчеловечное, нелепое высокомерие».

Антифашистские романы Ремарка читались в то время (да и сегодня читаются) как произведения, раскрывающие ложь и бесчеловечность любой тоталитарной системы, коммунистической или же нацистской, но на материале германской истории 20-40-х годов, а в «Черном обелиске» — и Германии, только что начавшей переходить к демократии в конце 40-х годов. Ситуация, описанная в «Черном обелиске», не может не вызвать у сегодняшнего российского читателя определенных ассоциаций: после поражения нацистов скульптор Бах, просидевший в концлагере и искалеченный там, влечит жалкое существование на мизерную пенсию, которая составляет десятую часть той, что получает человек, организовавший тот самый лагерь, в котором сидел Бах. Образ национал-социалистической Германии в романах Ремарка действительно может восприниматься читателем, не втянутым в так называемый спор историков о правомерности сопоставления нацизма с коммунизмом, как достаточно корректное описание и советской реальности:

«Мы живем как фальшивомонетчики, — говорит о Германии один из героев «Триумфальной арки», бывший русский офицер Морозов, немецкому эмигранту Равику. — Они строят военные заводы и утверждают, что хотят мира. Они строят концлагеря, а выдают себя за поборников правды».

Верхом цинизма или идиотской наивности кажется возмущение охранника концлагеря из романа «Искра жизни»:

«Германия, которая хотела только мира, подверглась жестокому нападению. Противник (американцы), нарушая всякое международное право, трусливым образом бомбит наши города, убивает беззащитных женщин и детей».

Герой ремарковского романа «Черный обелиск» в ужасе от того, что на полях сражения христиане стреляют в христиан, да к тому же обращаются к одному и тому же Богу с мольбой о победе над братьями:

«На чью же сторону стать Богу, — вопрошает он не без доли цинизма, — на ту сторону, где населения больше, или на ту, где больше церквей?»

Подчас пассажи в романах Ремарка кажутся

навязанными образами Достоевского. Не достоевичной ли отдает эпизод в «Триумфальной арке»: человек, у которого только что умерла безумно любимая им жена, ищет успокоения у проститутки?

Некоторые исследователи творчества Ремарка улавливают в эстетике немецкого писателя явное

вавой круговой поруки и, быть может, принять участие в противостоянии режиму. Так, солдат Гребер, герой романа «Время жить и время умирать», требует от своего бывшего учителя Закона Божьего ответа на (тоже совсем русские) вопросы, кто виноват и в какой степени виноват он, Гребер. И что делать — ему, понявшему преступ-

ную суть армии, в которой он сражался? Учитель напоминает Греберу евангельскую заповедь «Не убий» и совсем в духе Льва Толстого призывает его к неучастию.

Такой совет Гребер принять

не может. Он ощущает потребность в активном действии. В отличие от великого русского пацифиста, Ремарк был, как он себя назвал, «воинствующим пацифистом», не видя в таком обозначении никакого противоречия. И сам он был готов участвовать в политической борьбе против своего «отчества». Незадолго до окончания Второй Мировой войны Ремарк составил для разведывательных ведомств США записку, содержащую рекомендации о способах ликвидации нацистской Германии, а после ее поражения — наказания всех участников и соучастников преступлений против человечества.

Герои же Ремарка, представители «другой Германии», весьма скептически относящиеся к безусловному следованию заповеди прощения врагов, убивают нацистов, лично принимавших участие в пытках и казнях, испытывая при этом не раскаяние, а как, например, герой романа «Триумфальная арка» Равик, чувство облегчения. Убив палача Хаака (прототипом которого был гестаповец, обезглавивший сестру Ремарка Эльфриду), врач, гуманист Равик наконец ощущает покой в своей душе: перед ним возникают лица замученных Хаака, который пытал и его, Равика, в гестаповской тюрьме, и теперь они отмыты. И солдат Гребер стреляет в товарища, который собрался убить русскую женщину, и сам погибает от рук партизан.

Герой Ремарка — это человек, не следующий никаким религиям, не верящий ни в какие идеологии, но верящий только в себя и в родных ему людей. Ремарк был предшественником тех сегодняшних европейцев, которые ощущают то, что немцы называют «Poliitkverdrossenheit» (в вольном переводе — раздражение, озлобление против политики). Герои Ремарка даже не пытаются разбираться в политических программах. Политика служит лишь, как они полагают, оправданием насилия (совсем по Толстому), релятивизации высших ценностей. Один из них брезгливо отзывается и о германской революции 1918 года: это просто война фронтовых товарищей друг с другом, а ведь товарищество для героев Ремарка, которых Гертруда Стайн назвала «потерянным поколением», — та единственно положительная ценность, которая возникает благодаря войне.

Герои Ремарка признают лишь любовь к самому ближнему (к жене, подруге, товарищу, матери, отцу): «Мы ожесточились и не доверяем никому, кроме ближайшего товарища, не верим ни во что, кроме таких никогда не обманывающих нас сил, как небо, хлеб и земля».

Герои Ремарка подчас тоскуют по простому, как говорит Гребер в романе «Время жить и время умирать», «коровьему» счастью — без всяких идей и... преступлений, неизбежных, когда, как они думают, отдаешься служению этим идеям.

Отношения с религией у героев Ремарка, как принято говорить на русском языке, «неоднозначные». Во всяком случае проблему теодицеи они считают неразрешимой. Гребер попытался размышлять, бессилен Бог или просто зол. Свои сомнения он определяет как неверие. Его не может в этом смысле поколебать возражение Польшмана, его учителя Закона Божьего: «А разве возможна вера без сомнений?»

Сталкиваясь с ханжеством религиозных фанатиков, герои Ремарка не могут признать и Церкви:

«Вера легко ведет к фанатизму, вот почему во имя религии пролито столько крови. Терпимость — дочь сомнения, — говорит Равик медсестре Эжени, презирающей его за цинизм. — Вы при всей вашей религиозности куда более враждебно относитесь ко мне, чем я, отпетый безбожник, к вам».

И все же герои Ремарка, да и он сам, «воинствующий пацифист», не столь уж отпетые безбожники, а в самом чистом виде «анонимные христиане», если воспользоваться понятием, введенным в богословие одним немецким протестантским богословом. Название романа «Люби ближнего своего», законченного Ремарком накануне Второй Мировой войны, можно признать эпиграфом ко всему его творчеству.

GERMAN ANDREEV

Ландау (ФРГ)

Эрих-Мария Ремарк

Воинствующий пацифист

К столетию со дня рождения Эриха-Марии Ремарка

влияние Чехова: та же лаконичность формы при глубине содержания. И уже упомянутое выше «Налей-ка мне рюмочку кальвадоса» соотносится с астровским «Должно быть, жарилась в этой самой Аффрике».

Войну Ремарк изображает в духе тоже более русской, чем немецкой традиции. Последовательный пацифист, Ремарк не видит ничего поэтического в войне, как и Лев Толстой, а вслед за ним Виктор Некрасов, Виктор Астафьев, Василий Быков. Недавно умерший немецкий романист Эрнст Юнгер в этом смысле, пожалуй, более немец, чем Ремарк. В его «Стальном урагане» война описана как важнейший экзамен для мужчины; поэзия войны вечна, современная техника войны ничего не изменила в ее метафизической сущности. Впрочем, русскому писателю и философу Константину Леонтьеву Юнгер был бы ближе, чем пацифист Ремарк, который видел в войне лишь унижение человека, путь к распаду личности. Сам-то Ремарк, участник Первой Мировой войны, был достаточно мужественным, о чем свидетельствует награждение его железным крестом первой степени.

В отличие от романистов типа Юнгера и пропагандистов патриотизма Ремарк видел в войне не средство объединения нации, а наоборот, ее раскола. Фронтовики и тыловики не только не понимают друг друга, но и подчас ненавидят. Герой романа «Время жить и время умирать» Гребер, приехавший в свой родной город с Восточного фронта, потрясен, услышав неза заслуженное, как ему кажется, оскорбление: «Вы там на фронте бездельничаете, а мы тут гибнем под бомбами» (англо-американской авиации). Иными словами, война развращает людей, а не облагораживает.

«До войны я был крайне щепетил в вопросах добродетели, — замечает Бодмер в «Черном обелиске», — но при защите нашего возлюбленного отчества эта черта мною совершенно утрачена».

Ремарк безусловно подписался бы под максимальной русскоязычной фразой: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Все романы Ремарка — это обвинительные акты немецкому отечеству. «Патриоты» даже распустили слух, что Ремарк — вовсе не Ремарк, а еврей Крамер, хотя писатель — выходец из чисто «арийской», к тому же католической семьи. Солдат в его романе «Возвращение» выражает, конечно же, авторское отношение к официальному патриотизму:

«Говорилось — отечество, а в виду имелась жажда власти и грызня среди горсточки тщеславных дипломатов и князей... Говорилось — нация, а в виду имелся зуд деятельности у господ генералов, оставшихся не у дел. Слово «патриотизм» они начинили своим фантазерством, жадой славы, лживой романтикой, своей глупостью и торгашеской жадностью, а нам преподнесли его как лучезарный идеал».

В отличие от Брехта, который в споре с Томасом Манном сваливал ответственность немцев за преступления против человечества в 30-40-е годы на «эксплуататорские классы», Ремарк не побоялся в своих произведениях и выступлениях перед общественностью США, куда он эмигрировал после прихода нацистов к власти, поставить вопрос о коллективной вине нации. В романе «Искра жизни» устами одного героя Ремарк обвиняет всех немцев:

«Пар из их котлов смешивался с дымом из лагерных крематориев, а на их спортивных площадках шла веселая жизнь, когда рядом в концлагере массы заключенных «танцевали» под дулами эсэсовских автоматов».

Разумеется, строгий реалист, чуравшийся всяких идеологических схем, Ремарк видел и «другую Германию», представителем которой, между прочим, был и он сам. Герман Кестен заметил: «Немецкому народу повезло, что в его самые ужасные времена, когда мир видел в Германии врага всех людей, он имел такого писателя, как друг всего человечества Эрих-Мария Ремарк».

И среди героев Ремарка есть такие немцы, которые не только страдают, сознавая свое участие, пусть и вынужденное, в преступлениях нацистов, но и ищут возможности вырваться из этой кро-